

18+

СКРИПАЧ

РУССКОЕ КАПРИЧЧИО

Степан Митяев

Степан Митяев

Скрипач. Русское каприччио

«Издательские решения»

Митяев С.

Скрипач. Русское каприччио / С. Митяев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981521-7

Несмотря на привычное похмелье, настроение у Скрипача было приподнятое. Все вокруг было иначе, чем обычно. Прохожие почему-то улыбались ему, солнце ласково гладило по голове, а Бульвар встретил каким-то особенным, приветливым шелестом тяжелых ветвей. Что-то должно случиться. Что-то очень хорошее. Чего так давно не было в его жизни.

ISBN 978-5-44-981521-7

© Митяев С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Бульвар	6
Глава 2	12
Старинные часы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Скрипач

Русское каприччио

Степан Митяев

Дмитрий Амбарцумян *Дизайнер обложки*

© Степан Митяев, 2020

© Дмитрий Амбарцумян, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-1521-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Бульвар

Мелодия Сен-Санса задрожала неуверенными финальными нотами и растворилась в кронах вековых лип Бульвара.

Рондо-каприччиозо всегда переносило его в иной, счастливый мир, но сегодня Скрипач лишь недовольно поморщился из-за своего детского косяка, далеко не единственного в последнее время.

День в целом выдался удачный. Менты почему-то забыли зайти за ежедневной данью, а променадные дамы и господа демонстрировали прямо-таки докризисную щедрость.

Бульварную публику Скрипач делил на четыре категории.

Первую составляли доживавшие свой век бабушки и дедушки, чудом сохранившие родовые гнезда в близлежащих переулках и испуганно глядящие по сторонам в надежде увидеть что-то привычное в чертах изменившегося до неузнаваемости Бульвара. Некоторые из них, получив пенсию, приходили к месту, где каждый вечер звучала скрипка, подолгу стояли, слушая музыку своей юности, и бросали в раскрытый футляр скромные пожертвования, которые почему-то вызывали у Скрипача внутреннее отторжение – хотелось взять выстрадавшие гроши и вернуть нищим меценатам.

Во вторую категорию входили хозяева московской жизни, которые нечасто удостаивали Бульвар вниманием, но если уж появлялись, чтобы растрясти съеденные устрицы и фуагра, то вышагивали так, что сомнений не оставалось: все вокруг принадлежит только им. Нувориши подойти к Скрипачу брезговали, быстро проходили музыкальную точку, повернув головы в сторону, якобы оценивая архитектурные красоты Бульвара, в которых, естественно, ни хрена не разбирались.

Самой многочисленной категорией были, конечно же, шумные, разноязычные туристы, которые смотрели на многомиллионную иллюминацию Бульвара и роскошные фасады прилегающих домов с нескрываемым удивлением, а иногда и с завистью. Деньги в футляр они бросали нечасто, при этом в глазах у них читалось явное сочувствие к уличному музыканту, который выпиливал на скрипке что-то совсем им незнакомое.

Основной доход Скрипачу приносили подгулявшие купчики из различных областей необъятной страны. Как правило, их сопровождали длинноногие существа с глазами, наполненными отсутствием всякой мысли. Короли регионального бизнеса, отпросившись у пухлых крашенных жен в деловую командировку в Москву, стремились показать столичным кралям, арендованным с почасовой оплатой, что и им, провинциалам, ничто возвышенное не чуждо. От них под ноги Скрипачу летели не только червонцы, но и сотенные.

На сегодня хватит. Руки устали, да и пора уже принять на грудь: целый день на сухую простоял. Скрипач поднял с земли футляр, аккуратно убрал бумажки в кошелек, а мелочь высыпал в карман куртки. Зачехлив скрипку, отвесил, как обычно, шуточный поклон бронзовому классику, рядом с которым обычно музицировал, и отправился восвояси.

Жил он неподалеку, в одном из старых домов, чудом избежавших европердела. Впрочем, этой обители пенсионеров и бомжей, судя по всему, тоже предстояло вскоре разделить участь соседних зданий.

Скрипача, оставшегося в свое время без жилья, приютил у себя в квартире Груздь, классический «синяк», человек добрый, но при недопитии вспыльчивый. Грибную кличку он получил потому, что после второго стакана бывший лектор общества «Знание» с завидным постоянством начинал рассказывать, какие сумасшедшие грузди он собирал когда-то под Киржачом.

До «синякового» состояния Скрипач все-таки не опустился. Старался, по возможности, держать себя в чистоте и опухшим лицом не страдал. Выделялся в толпе разве что анахронической внешностью – как будто попал в нынешнее время напрямиком из семидесятых: длинные седые волосы, завязанные в узел, джинсовый костюм, купленный еще на чеки в «Березке», и советские кеды производства Китайской Народной Республики.

Скрипач открыл старую филенчатую дверь подъезда, встретившего его привычным запахом испражнений, поднялся на полуэтаж и, повозившись с вечно заедающим замком, вошел в квартиру. В коридоре на полу тихо посапывал Груздь, который никогда не мог добраться до кровати и засыпал в самых неожиданных местах.

Скрипач аккуратно перешагнул спящего приятеля и направился на кухню, где великодушный сосед оставил пол-бутылки крепленого. Жадно проглотив два стакана, он пожевал килек в томате, предварительно накрошив в банку пару кусков черного хлеба недельной свежести.

Отпустило. Пора было и на боковую. Скрипач добрался до своего лежбища, которое когда-то было добротной кроватью Саратовской мебельной фабрики имени XX партсъезда, разделся и нырнул под одеяло, никогда не знавшее пододеяльника.

Вот и еще один день прожит. Свернувшись, как в детстве, калачиком, Скрипач заснул.

ЙОСЯ

Маленький Йося был интернационален в такой же степени, как и его родная Одесса, этот веселый и никогда не спящий город на берегу Черного моря, где в перепутанный клубок сплелись разнообразные нации и народности. По Йосиной родословной можно было писать историю многонационального советского народа. Разных ингредиентов в маленьком одессите было намешано, как в хорошем украинском борще, который говорливые домохозяйки с любовью варили по утрам в зеленых приморских двориках. В этой мешанине присутствовали украинцы и русские, грузины и цыгане, молдаване и греки. Был даже один бурят, впрочем, документально не подтвержденный.

В создании Йоси участвовали, конечно же, и самые известные жители Одессы. Откровенно говоря, евреев на его генеалогическом древе было меньше, чем представителей других национальностей. Однако Йосин папа с русским именем Семен при рождении сына почему-то, прежде всего, подумал о своих иудейских корнях и назвал первенца Иосифом, записав его евреем – вопреки мольбам своей совсем уж не еврейской жены.

Юность Йоси была бы вполне счастливой, если бы не его хрупкое телосложение и домашнее воспитание, за которое местные мальчишки дразнили его маменькиным сынком, не упуская случая отвесить леща или толкнуть в лужу.

Все изменилось, когда Йося от нечего делать взял у соседа по коммуналке разбитую гитару и, потренировавшись пару дней, на удивление всем сбацал задушевный одесский блатняк. Услышав его музыкальные упражнения, местный авторитет лет шестнадцати, уже имевший на своем счету ходку по малолетке, прослезился и взял юного таланта под крыло. С тех пор Йося гордо вышагивал по родной улице, не опасаясь злобных дразнилок и тумачков.

Реакция Йосинога папы на музыкальные успехи сына была предсказуемой: мальчику тут же купили в комиссионке выдающую виды скрипку, которая и определила его дальнейшую судьбу. Музыкальную школу, а затем и училище он закончил блестяще, и на выпускном вечере его выступление актовый зал наградил восхищенными аплодисментами.

Утро было ясным и по-летнему солнечным. Окна квартиры Груздя выходили на площадку мусоросборника, и потому будильник ее обитателям был не нужен. Его с успехом заменяли импортный мусоровоз и два таджика, которые каждое утро начинали громко обсуждать на родном фарси последние мировые новости.

Скрипач открыл глаза и присел на кровати. Голова шумела, пора было добавить, но, как выяснилось, запас крепленого на кухне иссяк. Растолкать Груздя в это время было невозможно, и Скрипач с досадой осознал, что придется бежать самому. Хорошо, что полуподвальный магазинчик располагался неподалеку. А если через дырку в школьном заборе, что было вполне безопасно в каникулярное время, так вообще рукой было подать.

Спустившись по трем облупленным ступенькам в магазин, Скрипач сразу заметил за прилавком розовощекую Халу. Приехала она откуда-то из-под Донецка – то ли спасаясь от бомбежек, то ли надеясь найти принца на белом мерседесе, которого в родной Донетчине отыскать было проблематично. Чернобровая дивчина лет тридцати при каждой встрече бросала недвусмысленные взгляды на уличного музыканта, который, несмотря на потрепанный вид, был мужчиной хоть куда. Если бы не седые волосы и не слегка помятое лицо, то его вообще можно было принять за исполнителя главной роли в рок-опере всех времен и народов.

Впрочем, шансов у Халы было мало: после развода у Скрипача некоторое время еще случались адюльтеры, но постепенно бормотуха успешно заменила ему женский пол и все переживания, с ним связанные.

Сексапильная продавщица, приветливо кивнув и ничего не спрашивая, достала с верхней полки нечто северокавказское и молча поставила на прилавок перед постоянным покупателем. Тот выскреб заработанную накануне наличность и молча показал продавщице четыре пальца. В итоге домой Скрипач отправился со стратегическим запасом, которого обитателям проспиртованной квартиры должно было как минимум на два дня.

Груздь, расположившись на табуретке у окна, завтракал выброшенной кем-то лазаньей, которая, судя по запаху, наполнявшему кухню, пролежала в мусорном баке со вчерашнего утра. Впрочем, желудок у бывшего лектора был луженый, да и то количество спирта, которое туда поступало, не оставляло ни малейшего шанса болезнетворным бактериям. С радостным мычанием выхватив у приятеля заветную бутылку, Груздь широким жестом пригласил его к столу.

От лазаньи Скрипач отказался, сделал себе омлет из яиц и молока, которые благоразумно подсунула ему добросердечная Хала, и налил по первой.

Очнулся он часам к трем. Все утро они провели с Груздем, как обычно, в интеллектуальной беседе – обсуждали нового участкового, спорили на актуальные темы внешней и внутренней политики, включая важнейший для всех граждан Российского государства вопрос: пьет Путин тайком или нет.

Хмель прошел, накатила обычная в таких случаях депрессуха, но добавлять Скрипач не стал: НЗ на вечер – это святое. Он побрел в ванную, засунул голову под воду и через несколько минут уже вышагивал по переулку в направлении Бульвара. Погода была чудесная: по-летнему теплая, но без традиционной духоты, которая заставила многих обитателей центра сменить городские квартиры на особняки в Подмосковье.

Несмотря на привычное похмелье, настроение у Скрипача было приподнятое. Все вокруг было иначе, чем обычно. Прохожие почему-то улыбались ему, солнце ласково гладило по голове, а Бульвар встретил каким-то особенным, приветливым шелестом тяжелых ветвей. Что-то должно случиться. Что-то очень хорошее. Чего так давно не было в его жизни.

Ее он заметил не сразу. Допиливая популярное среди московской публики адажио, он поднял глаза и увидел среди немногочисленной толпы зевак создание редкой красоты. Девушка в облегающем красном платье с удивительным, неземным лицом слушала его, не отрываясь.

В жизни Скрипача было немало красивых женщин, увлечь которых не составляло особого труда. Крутой замес еврейских, южнославянских и прочих кровей одарил его иконописными глазами, тонко очерченным греческим носом и хорошей фигурой. Впрочем, о внешности многие женщины забывали, только лишь он брал в руки скрипку. Под ее чарующие звуки даже замужние дамы готовы были бежать с чернобровым исполнителем на край света. К неудовольствию многочисленных поклонниц своей мужской магией Скрипач особо не злоупотреблял.

А уж когда женился, так вообще представительниц слабого пола обездолил, оставив им в удел тайные ночные вздохи.

– Вам что-нибудь сыграть? – неожиданно для себя произнес Скрипач, не в силах оторвать глаз от юной богини.

– Вивальди. Времена года, – просто, не жеманься, ответила девушка. – Мой папа когда-то играл.

Скрипач онемел. Среди всего, что он исполнял, было лишь несколько вещей, которые доставляли ему истинное удовольствие, и «Времена» – в первую очередь.

– Если не знаете, не страшно, сыграйте что-нибудь другое, – поспешила ему на помощь очаровательная слушательница.

Вместо ответа музыкант поднял скрипку и заиграл. Он слушал себя и удивлялся: так его скрипка не звучала уже очень давно. С тех самых пор, когда он играл на выпускном концерте в консерватории.

ОСИП

Семен Аркадьевич, отец Йоси, как и полагается человеку с фамилией Цукерман, служил по снабжению, что в Одессе приравнялось к генеральской должности. Был он красив и, можно сказать, статен, если не считать пивного живота, нажитого непосильным трудом снабженца.

Импозантный агент частенько ездил в командировки по городам и весям победившего социализма и всегда привозил домой много всякой дефицитной всячины, которой потом с успехом торговал на Привозе, для верности переодевшись биндюжником с Молдаванки.

Однажды из столицы советской Украины он притаранил аж двадцать знаменитых «Киевских» тортов и уже намеревался утром идти с ними на рынок, когда вдруг выяснилось, что его кинули, как последнего фраера. Под самодельными наклейками обнаружились настоящие этикетки, гласящие, что срок годности кондитерских шедевров истек аж неделю назад. С публикой на Привозе шутки шутить не рекомендовалось, могли и лицо начистить, поэтому экономный снабженец решил утилизировать просроченные торты домашним способом. Две недели всей семьей они ели их на завтрак, обед и ужин, отчего у маленького Оси на всю оставшуюся жизнь выработалась стойкая идиосинкразия ко всем кондитерским изделиям.

Мама Оси была доброй грудастой женщиной с русой косой, которую она укладывала на украинский манер, отчего заезжие галичане неизменно обращались к ней на мове. Однако ответить им русская женщина Раиса Петровна не могла, так как украинского было в ней ровно столько, сколько и бурятского – то есть почти ничего.

Супружеская жизнь Йосиной мамы в целом складывалась неплохо, если не считать досадных мелочей. Из одной командировки неутомимый агент по снабжению привез гонорею, из другой вернулся с побитой физиономией (по докатившимся слухам, переспал с женой милицейского начальника в Тамбове). А вот из Республики Тыва он приехал с хвостом куда как более серьезным, за что позже и получил судимость.

По поводу веселой болезни и травмоопасных походов мужа супруга не очень расстраивалась (с кем не бывает, да еще при такой работе?), но когда Семена Аркадьевича повязали на глазах у всего двора за махинации в далеком Кызыле, Раиса Петровна загрустила всерьез. Будучи пожизненной домохозяйкой, денег она зарабатывать не умела, и как теперь кормить маленького Йосю, даже представить себе не могла.

Впрочем, на то Семен Аркадьевич и был Цукерманом, чтобы предвидеть, что рано или поздно за ним придут. Во время свидания в СИЗО он шепнул жене, где спрятал заглазник, и неверующая Раиса Петровна истово поблагодарила Бога, пославшего ей предусмотрительного мужа, которого по большому счету она никогда не любила.

Всю свою замужнюю жизнь Раиса Петровна Цукерман (урожденная Пригожина) вставляла своей большой красивой грудью на защиту маленького Йоси и ровно столько же она мечтала

изменить фамилию и национальность сына, записанные у того в метрике. Так уж случилось, что сразу после ареста мужа юному таланту пришла пора получать паспорт. Полная решимости осуществить свою мечту, Раиса Петровна направилась в отделение милиции. Там она принялась вдохновенно доказывать усталой седой паспортистке, что будущая звезда советского музыкального искусства не сможет жить полноценной жизнью с фамилией папы-уголовника и не очень популярной национальностью в паспорте.

Паспортистка доводам Раисы Петровны вняла, ушла к начальнику и, вернувшись через полчаса, ободряюще подмигнула просительнице. Фамилией и национальностью не ограничились, заодно и имя поменяли. Так еврей Иосиф Цукерман стал русским Осипом Пригожиным.

Прошло пару лет, и новоиспеченный русский еврей отправился в Москву, нацелившись ни много ни мало на Консерваторию имени Чайковского.

Открыв глаза на последних нотах, он увидел лицо девушки, светившееся восхищением и каким-то детским изумлением. В душе Скрипача мелькнуло давно забытое чувство гордости от того, что он умеет так играть. Прекрасная незнакомка благодарно улыбнулась и, помахав на прощание рукой, направилась к проезжей части, где минутой ранее остановилось желтое такси.

Остаток дня Скрипач провел в тоске. Чувство было, как в детстве, когда отец обещал купить ему на день рождения велосипед, но вместо этого подарил три рубля, сказав, что на велосипед у него денег не хватает. И хотя потрепанный жизнью музыкант прекрасно понимал, что даже малейшего шанса на продолжение знакомства с удивительной слушательницей у него не было, чувство детской обиды заполнило его до краев.

Вечером он оторвался по полной. Груздь с удивлением наблюдал, как обычно сдержанный Скрипач стакан за стаканом глотает крепленое и кулаком растирает слезы по лицу, рассказывая про свою неудавшуюся жизнь. Конечно, хозяин квартиры и раньше слышал все эти излияния, просто сегодня они звучали с особым надрывом. В итоге бывший лектор, который обычно первым валился с ног, остался почти трезвым и заботливо уложил собутыльника в кровать.

ГРУЗДЬ

Лектором Груздь стал случайно. Отнюдь не о такой участи мечтал Боря Агапкин, выпускник МГУ по специальности «астрономия», покидавший алма матер с красным дипломом. И когда по распределению он попал в один из ведущих академических институтов столицы, ничто не сулило затмений на ясном горизонте его блестящей научной карьеры.

Тучи сгустились, когда молодой специалист неожиданно заболел уфологией. Вместо того, чтобы долбить гранит знаний по утвержденной научным советом теме, он пал жертвой Эриха фон Дэникена и его «Воспоминаний о будущем». Дело довершили Реймонд Дрейк со своей теорией инопланетного разума, который, как выяснилось, породил и давно управляет всеми нами, неразумными. И Бог бы с этим его увлечением, если бы Боря предавался ему по-тихому, не беспокоя окружающих. Так нет же: как все истово верующие, он принялся бродить по институтским кабинетам и неустанно обращать сотрудников в свое уфологическое учение.

Гроза становилась неминуемой. В конце концов, институтскому начальству это брожение надоело, и оно вызвало Агапкина на ковер, куда он явился с кучей плакатов и записей. Оглядев собравшихся торжествующим взглядом, мессия инопланетного пришествия произнес пламенную речь, в конце которой обвинил весь научный совет в косности и мракобесии.

Уволить молодого специалиста в те времена было непросто, но с Агапкиным обошлось без осложнений. После нескольких вполне обоснованных выговоров за опоздания и невыполненную работу проповеднику новой религии предложили уйти «по собственному».

Пару месяцев непризнанный мессия слонялся без дела, пока, наконец, не забрел в планетарий на Садовом, куда и устроился читать лекции, вступив, как полагается, во Всесоюзное

общество «Знание». Рассказывать посетителям про пришельцев ему, правда, не разрешили, но какую-никакую зарплату положили. А главное, у него значительно прибавилось свободного времени, что позволило еще глубже проникать в суть инопланетного присутствия на Земле и не пропускать ни одной значимой тусовки, где обсуждались неотложные меры для установления контактов с братьями по разуму.

Жена Агапкина, очкастая аспирантка Маша, которая выходила замуж за подающего надежды ученого, так же, как и институтский совет, не выдержала нашествия пришельцев в голову мужа и ушла к продавцу пуховиков в Луже, ставшего впоследствии владельцем торговой сети.

Агапкин переживал дня два, после чего организовал неформальный клуб уфологов среди постоянных посетителей пивнухи на Красной Пресне. Там начался путь бывшего научного сотрудника и лектора общества «Знание» на помойку московского бытия.

На следующий день Скрипачом овладела острая мизантропия. Все без исключения прохожие казались ему исчадиями ада, и когда один из упакованных гостей столицы, протягивая столик, попросил Мурку, музыкант, сыгравший за свою бульварную жизнь десять тысяч Мурок, буркнул, что всякую дрянь он не играет. Гость слегка оторопел, деньги спрятал в карман и гордо удалился со своей напомаженной спутницей.

– А для меня сыграете?

Скрипач повернул голову и увидел Авторитета. На душе стало полегче. Не только потому, что его ждало щедрое вознаграждение, но и от того, что он с необъяснимой симпатией относился к этому седому человеку, который минимум раз в неделю приходил на Бульвар в сопровождении хмурого охранника и, усевшись в принесенное раскладное кресло, подолгу слушал, как играет музыкант.

– Шучу... Обойдемся без «Мурки». Сыграйте что-нибудь на ваш вкус.

Скрипач не знал, как зовут этого постоянного посетителя его бульварных концертов, но про себя называл его Авторитетом. И для этого были основания: особый, пристальный взгляд поблекших от чефира глаз и татуировки на руках выдавали в нем человека с богатым криминальным прошлым.

– Думаю, нам пора познакомиться, – произнес Авторитет, когда музыкант закончил пьесу.

Глава 2

Старинные часы

И все-таки она появилась снова.

После того как он в первый раз увидел молодую богиню, Скрипач спиртного в рот почти не брал, чем несказанно удивил беспробудного Груздя. Достав из старого шкафа чемодан с вещами из прошлой жизни, музыкант долго их перебирал, и, наконец, выбрал вполне еще сносный костюм, который, как он полагал, должен был существенно изменить его имидж. Скрипач почему-то верил: свершится чудо, и восхитительный образ возникнет на Бульваре снова.

На этот раз она пришла к самому началу его выступления. Расположившись на скамейке чуть поодаль от импровизированной концертной площадки, девушка долго слушала, как он играет. Скрипач очень старался показать все, на что способен, но как назло, ему мало что удавалось – то ли алкогольное воздержание сказывалось, то ли он просто стеснялся своей новой поклонницы.

Увлечшись очередным пассажем, Скрипач не заметил, как она встала и подошла ближе.

– Меня зовут Асоль, – волшебным голосом произнесла девушка, дождавшись паузы.

– Осип... В смысле – Осип Семенович, – хрипло пробормотал Скрипач, не опуская скрипку.

– Очень приятно. Вы простите, что отвлекаю...

Она замолчала, словно собираясь с мыслями. Скрипач тоже не мог вымолвить ни слова, сжавшись внутри от непривычного смущения.

– Знаете что, не могли бы вы дать мне пару уроков? Вы так потрясающе владеете инструментом, а я всю жизнь мечтала научиться играть на скрипке.

Музыкант, не в силах произнести что-то вразумительное, закивал, как контуженный.

– Вот я тут адрес и телефон написала, позвоните, когда сможем начать. Извините, больше мешать не буду.

С этими словами обладательница литературного имени вернулась на скамейку и поднесла к уху телефон. Скрипач, чуть помедлив, затеял своего коронного Сен-Санса, то и дело поглядывая в сторону скамейки.

Неподалеку притормозило желтое такси, и Асоль исчезла так же внезапно, как и появилась.

АСЯ

Фигура у Аси Павлюченко оформилась рано: уже к тринадцати годам у нее нарисовалась красивая грудь третьего размера, на которую с плохо скрываемой завистью поглядывали одноклассницы и которая подарила немало бессонных ночей ее тайным поклонникам из числа местных пацанов.

Жила Ася с мамой и братом в не самом фешенебельном районе Запорожья, застроенном облупленными пятиэтажками непонятного цвета, которые пробовали красить, но потом бросили. Вид из окон, правда, открывался потрясающий: днепровская Хортица во всей своей красе, однако больше ничего вдохновляющего в окружающей среде не наблюдалось. Поговаривали, что их микрорайон будут сносить под застройку элитными домами, но местные сомневались: слишком плотным был осадок из продуктов жизнедеятельности Промзоны, пыхтевшей неподалеку многочисленными трубами. И хотя после развала Союза местные заводы пыл поумерили, раз в полгода Ася помогала матери соскребать с балкона вольфрамоникелевый налет в палец толщиной.

К шестнадцати годам гарна дивчина стала безусловной королевой района. Грудь, у нее, правда, больше не выросла, зато все остальное отвечало самым строгим плейбоевским канонам. Желаящих затащить ее в парк на темную скамейку было хоть отбавляй, но местные парубки были наслышаны о крутом нраве брата-боксера, который выиграл в России какие-то крутые соревнования по смешанным единоборствам.

Ася и сама была не прочь испытать то, о чем по ночам шептало ее рано созревшее естество, и она с некоторым раздражением относилась к защитному барьеру в лице спортивного брата. Возможно, поэтому юная королева района при первом же удобном случае с удовольствием отдалась заезжему фотографу, который странствовал по просторам свободной Украины не столько в поисках натуры, сколько в стремлении на халяву удовлетворять свои мужские потребности.

Став женщиной, Ася обнаружила в себе прямо-таки неумное сладострастие, что позволило ей меньше чем за год осчастливить чуть ли не всех местных воздыхателей. Она уже стала выходить на городской уровень, зачастив в центровые клубы, когда судьба преподнесла ей неприятный сюрприз. Людская молва не смогла пройти мимо ее сексуальных походов, в результате чего мама с братом посадили ее под домашний арест.

Не прошло и трех дней, как вольнолюбивая Ася, собрав, пока все были на работе, рюкзачок, отправилась на вокзал, где за пару минут повергла в любовный трепет проводника поезда «Запорожье – Москва». Вскоре она уже слушала стук колес в служебном купе, где пускающий слюни пятидесятилетний дядька с усами рассказывал ей за бутылкой «Крымского» о неудавшейся семейной жизни. Ася притворялась, что внимательно слушает, прикидывая, за какую именно часть ее тела сластолюбивый рассказчик схватится первым делом.

Впрочем, ее это особо не напрягало, главное было благополучно добраться до Москвы, куда стремились многие ее запорожские подруги. Там, без сомнений, ее ждал грандиозный успех в качестве лучшей столичной фотомодели. Ася даже придумала себе сценический псевдоним: Асоль. Хоть Грина она и не читала, но старое кино по телевизору смотреть любила.

Скрипач нерешительно нажал кнопку вызова в домофоне.

– Слушаю, – раздался знакомый голос в динамике.

– Это я.

– Кто я?

– Уже не узнаешь бывшего мужа?

Пауза зашелестела тихими скрипами в динамике.

– Открываю. Этаж, надеюсь, помнишь?

Открыв дверь, она отступила, приглашая его войти. Квартира встретила знакомыми запахами, которые мгновенно вернули его в прошлое. Он присел на диван, который они вместе с женой купили с чудовищной, как позже выяснилось, переплатой. Огляделся: все на местах, включая югославскую стенку. Из этой квартиры он уходил, точнее, уползал целую вечность назад. Тогда она смотрела ему вслед со слезами на глазах, но остановить не пыталась – после нескольких лет мучений окончательное решение уже приняла.

Скрипач хотел закурить, и даже достал пачку из кармана, но потом вспомнил, что бывшая жена всегда выгоняла его с сигаретой на улицу. Она присела за обеденный стол, повертела в руках маленькую чешскую вазу, которую он подарил ей на день рождения, и отставила ее в сторону.

– Чем обязана, маэстро? Мне скоро на репетицию.

Нежданный гость поднял голову. Несмотря на язвительное обращение, холода или насмешки в ее глазах он не увидел.

– Да вот, за часами зашел.

– Неужели час «икс» пробил?

– Ну, что ты, Валюха, не надо так. Я уже все свое получил.

– Я тоже...

Чуть помедлив, она поднялась из-за стола и направилась в соседнюю комнату. Годы почти не изменили ее: все та же фигура, те же каштановые, отливающие медью волосы, те же походка и голос. А морщин он не разглядел. Наверное, потому, что в глаза ей старался больше не смотреть.

Из комнаты она вышла со старинными, богато инкрустированными часами – единственным ценным предметом, который он не пропил и который она обещала отдать только тогда, когда его совсем прижмет.

Он засунул часы в припасенную клетчатую сумку и приподнялся с дивана.

– Спасибо. Я пойду?

– Иди.

В коридоре она не выдержала.

– Что случилось-то? Совсем плохо?

Он оглянулся, как будто недоумевая.

– Да нет, я бы сказал, совсем наоборот. Впрочем, черт его знает. Ты все там же?

Она кивнула.

– Прости меня.

– Да иди уже. Бог простит.

АКТРИСА

Валентина Гаврюшкина была голубых кровей. Во всяком случае, так утверждала ее старорежимная бабушка, в девичестве – Суворина, которая до самой смерти выходила к обеду в бархатном платье с отложным кружевным воротничком.

Фамилию свою маленькая Валя не любила и втайне желала найти себе мужа с более звучным семейным именем. Однако жизнь распорядилась иначе: первым ее супругом стал футболист с трудно произносимой фамилией Саргсян.

С подающим надежды игроком «Спартака» Валя познакомилась на вечеринке, куда ее затащили подруги по Шуке. Нельзя сказать, чтобы она сразу влюбилась в Артура, но и отказать напористому нападающему не смогла. Звездная жизнь так лихо закрутила юную студентку театрального училища, что она и не заметила, как вскоре оказалась в зеркальном зале Дворца бракосочетания, где под многочисленные фотовспышки сказала тихое «да».

Как и многие футбольные представители солнечного Кавказа, Артур любил раздавать автографы гораздо больше, чем тренироваться, поэтому вскоре надежды подавать перестал и вынужден был уехать к себе на родину, где в ереванском «Арарате» его взяли на подмену.

Воспитанная бабушкой в лучших традициях русской истории, Валя бросила училище и отправилась за не очень любимым мужем в ереванскую ссылку, которая, впрочем, длилась недолго. Вернувшись как-то в неурочный час из библиотеки, куда она со скуки устроилась на работу, молодая жена застала техничного форварда в объятьях сразу двух пышнотелых экскурсанток из Тулы. Валя, конечно, была наслышана о пристрастии мужского населения солнечной Армении к большим формам, но понять, как их супружеская кровать выдержала эти два тела, по полтора центнера каждое, так и не смогла.

В Москве, куда она сбежала на следующий день после знаменательной сцены, Артур ее не беспокоил – видимо, тоже особенно о разрыве не горевал и вскоре приехал в столицу, чтобы мирно развестись. Вале удалось восстановиться в училище, которое она вскоре благополучно закончила, дав себе слово посвятить театру всю жизнь без остатка. И никаких больше мужчин!

Ее обет безмужия продолжался бы, наверное, достаточно долго, если бы во время гастролей в Ярославле их театральную труппу не поселили в одну гостиницу вместе с известным струнным ансамблем. Так появился в ее жизни Скрипач, в которого она влюбилась по уши и даже больше.

Первые несколько лет прошли в розовом тумане счастья. Скрипач шагал вверх семи-мильными шагами, завоеывая все возможные награды, и в итоге стал самым молодым «заслуженным» в истории отечественной музыки. Он даже начал писать музыку, которая вызывала у Валентины неумный восторг. Конечно, Хачатуряна из него не получилось, но сочиненное для любимой супруги «Русское каприччио» знающие люди хвалили.

Успехи Валентины на сцене были не столь впечатляющими. До главных ролей она так и не добралась, но от этого театр меньше любить не стала и служила ему верно. Неожиданный взлет случился на другом поприще: ее пригласили поработать диктором на телевидении. Впрочем, телекарьера актрисы длилась недолго: с нудными новостными текстами она справлялась неважно, к тому же телевизионному начальству порекомендовали взять на ее место дочку министра.

А потом случилось непоправимое. Ревнивый муж второй виолончели во время антракта ворвался в гримерку и набросился на Скрипача с кулаками. Как потом выяснилось, дебелая виолончелистка на самом деле просто решила взбодрить угасшую страсть вялого супруга и наплела ему небылиц про ее роман с первой скрипкой.

Ревнивец был значительно габаритнее Скрипача, но не учел, что тот, хоть и принадлежал к изящному сословию, уроков одесских подворотен не забыл, что в итоге обернулось свернутой скулой нападавшего и сломанной кистью музыканта.

Рука быстро зажила, но играть, как прежде, Скрипач уже не смог, что быстро сказалось на его карьере. Смириться с тем, что его отодвинули на вторые роли, лауреат международных конкурсов не мог и выход из творческого кризиса нашел самый банальный.

Она даже и не поняла, в какой момент он начал пить. Сначала стала замечать, что в гостях он сам себе наливает. Потом обнаружила в буфете полупустую бутылку и поняла, что поздним вечером он потихоньку пробирается на кухню не для того, чтобы попить или перекусить. А когда ей позвонили из вытрезвителя, беда накрыла ее с головой.

Как же она за него билась! Без толку. Обиженный на весь свет, он упорно ничего не хотел менять в своей полупьяной жизни. После очередной кодировки проходил максимум месяц, и вот он уже вваливался в квартиру с гурьбой собутыльников и устраивал очередную гульбу до потери пульса.

Из ансамбля его вежливо попросили, и он устроился в какой-то третьеразрядный кабак, где публика искренне восторгалась виртуозом, не забывая ему подливать. Там он продержался недолго, умудрившись сцепиться в пьяной драке с администратором ресторана. После этого, Скрипач стал неделями пропадать неизвестно где, приходя домой, только чтобы занять денег.

Разводились они тихо и без взаимных обвинений. Он благородно оставил ей квартиру и переехал жить к Груздю, с которым успел познакомиться в пивной на Красной Пресне. Она поплакала пару дней и стала жить дальше.

Груздь был в шоке. После того, как его закадычный сосед неизвестно откуда приволок старинные часы, а потом отнес их в скупку, произошло несколько совершенно невероятных событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.